

ГЛОБАЛЬНАЯ
КОМИССИЯ ПО
НАРКОПОЛИТИКЕ

КЛАССИФИКАЦИЯ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ: КОГДА НАУКА ОСТАЛАСЬ ПОЗАДИ

ОТЧЕТ ЗА 2019 ГОД - СВИДЕТЕЛЬСТВА

TESTIMONIES

КЭРОЛ КАТЦ БЕЙЕР

Рассказ матери о том, как она потеряла своих сыновей из-за запрета, Соединенные Штаты Америки

Как мать и медицинский работник, которая столкнулась с потерей двух детей в результате передозировки фентанила, я слишком хорошо знаю о вредном влиянии наркополитики. Я брала интервью у бесчисленных семей, чьи истории требуют смены парадигмы, которая должна охватывать всестороннюю заботу и решения, основанные на науке, сострадании и здравоохранении. Я стала одним из основателей «Семьи за разумную политику в отношении наркотиков» (Families for Sensible Drug Policy), чтобы выступить за реформу наркополитики, одновременно обучая специалистов по стратегиям и решениям, принятым по снижению вреда.

Растет число таких семей, как моя, которые страдают от внесения наркотиков в списки контролируемых веществ. Драконовская наркополитика поощряет нереалистичную и карательную модель, которая требует воздержания, не оставляя места для юношеских экспериментов, которые могут произойти по разным причинам. Тем не менее, сосредоточение внимания на употреблении психоактивных веществ в качестве основной проблемы не только обесценивает уникальность жизни, сильных сторон и ресурсов каждой семьи, но и невольно переводит наших близких из экспериментов в проблемные области.

Мои собственные сыновья, Браян и Алекс, не отличались от множества других молодых людей по всему миру. Они занимались спортом, любили музыку,

ходили на вечеринки и концерты с друзьями и экспериментировали с наркотиками. Поскольку в их школе действовала политика «нулевой толерантности», они прошли тестирование на наркотики, получили положительный анализ на каннабис и кокаин и были вынуждены участвовать в интенсивной амбулаторной программе с людьми, которые употребляли наркотики и которые были их старше. Им было сказано что они должны идентифицировать себя с беспомощными наркоманами, затем они были отстранены от занятий спортом, внеклассных занятий и от своих сверстников. Их состояние ухудшалось, но «попадание на дно» считалось частью восстановления. Их учили, что я была «созависимой» и «посредником», проявляя любовь и защищая их благополучие.

Когда их употребление наркотиков стало еще более вредным, нам сказали их отправить на 28-дневную стационарную реабилитационную программу во Флориде. После этого Браян и Алекс ездили между детоксами, тюрьмами, реабилитационными центрами и учреждениями трезвой жизни. Когда они поддерживали периоды трезвости нам казалось, что они выросли. Браян учился в университете Джонсона и Уэльса, начал бизнес и женился! Алекс окончил Университет Фулл Саил, вернулся домой в Нью-Джерси, чтобы быть ближе к семье, и продолжил свою карьеру! К сожалению, поскольку улицы залиты фентанилом и нет безопасных мест для потребления, чтобы справиться с рецидивом, мои красивые мальчики погибли в результате передозировок, которые можно было предотвратить. Потеря непостижима для семьи и друзей. Мой младший сын Девин не планировал посещать могилы своих братьев в тот день, когда он окончил колледж.

Нынешняя наркополитика, основанная на запрете, затрагивает права человека, а также личную и семейную безопасность. Как мать, я считаю, что позиция правительства США в отношении наркотиков способствовала смерти моих сыновей. Война с наркотиками изолировала их, сказав, что их жизнь не имеет значения.

Поддержка семьи является неотъемлемой частью выздоровления и здоровому отношению к веществам. Мы знаем, что проблемное использование является результатом взаимодействия психологических, биологических и социокультурных переменных. Наркоманию называют «болезнью», но это недоразумение. Посредством таких программ, как «Семейная наркоподдержка» (Family Drug Support), семьи получают возможность решать проблемы, способствующие проблематичному использованию наркотиков. Люди, употребляющие наркотики, и их семьи заслуживают поддержки, оказываемой им с достоинством, индивидуально и уважением.

КОННИ ВАН СТАДЕН

От дилера к лидеру - Сотрудник по правам человека и информации (Южноафриканская сеть для людей, употребляющих наркотики), Южная Африка

Я родился в 1975 году в доме со средним доходом к западу от Претории в Южной Африке во время политических потрясений. Одним из аспектов моего развития, который я хотел бы изменить, был тот факт, что мои родители были алкоголиками. Мой отец работал инспектором по газу на большом нефтеперерабатывающем заводе, а моя мать работала в похоронном секторе. Они оба были трудолюбивы, работали, и мы никогда не подвергались насилию или

какой-либо другой стереотипной риторике относящейся к «детям алкоголиков». Вопреки обычному повествованию, наш дом был наполнен любовью, и всегда было достаточно еды и много смеха! По большей части мы были очень счастливой семьей. К сожалению, оба, в относительно молодом возрасте, стали жертвой бутылки. Моя мама скончалась в 2008 году (49 лет), а мой отец в 2007 году (53 года).

Когда мне было 15 лет, я начал посещать клубы в Претории и впервые столкнулся с психоактивными химическими веществами, а именно с экстази и ЛСД.

Уже на следующий день после употребления ЛСД я попробовал героин и полностью влюбился в него! Мне понравилось то, как наркотик на меня подействовал. Он снял всю боль, все страдания, и не имело значения, что люди говорили: «Ты бесполезная наркота, у тебя нет дисциплины, ты преступник, у тебя нет этики». Они меня не беспокоили.

Я стал человеком, о котором родители предупреждали своих детей! Я был «популярным парнем», которого все хотели общаться, центром вечеринок. Конечно, многие «тяжеловесы» в клубах заметили это и попросили меня продавать наркотики клуберам. Это стало для меня отличным способом поддержать мою (теперь быстро формирующуюся) привычку.

Я был функциональным пользователем много лет. Я был в состоянии работать, общаться с семьей и друзьями, поддерживать регулярные социальные контакты ... Мне даже удалось закончить 12 класс средней школы в 1994 году, но я не пошел в высшее учебное заведение.

Когда мне было около 21 года, я пытался бросить героин, но не смог. Мало того, что

это был барьер между суровым миром и мной, я также стал физически зависимым от него, испытывая ужасную ломку, когда он был недоступен.

Когда мой отец скончался в 2007 году, я увеличил потребление наркотиков, потерял работу, сбежал из дома и жил на улице. Страх и нехватка ресурсов и возможностей помешали мне сделать выбор для изменения моей жизни. Многие врачи в то время не знали, как правильно вводить лекарства, такие как субоксон и метадон. Стигматизированное употребление наркотиков и социальное отчуждение только мешали мне получать надлежащую помощь. Я считаю, что во многом это связано с отсутствием образования не только у врачей и медсестер, но и в наших общинах.

В 2015 году новая организация в Претории под названием «Шаг вперед» («Step Up») начала предоставлять медицинские услуги потребителям героина и работникам секс-бизнеса, проживающим на улице. Я стал участвовать, потому что чувствовал, что у меня есть ценные уроки жизни, которые могли бы помочь другим людям. В то же время я создал Сеть потребителей наркотиков из Гаутенга («DUG, Drug users of Gauteng»), которая впервые предоставила платформу для местных потребителей наркотиков в Южной Африке, чтобы они могли высказаться и закрепить своё чувство принадлежности. Тогда я был первым, кто был инициирован в проекте «Шаг вперед» и в программе. Сегодня у нас более 3000 человек, имеющих доступ к программе, и наша сеть насчитывает 175 зарегистрированных участников в одном только центре города.

В 2016 году «Шаг вперед» наняла меня в качестве оплачиваемого сотрудника, и поэтому мне впервые была предоставлена возможность по-настоящему изменить свою жизнь. Многие люди спрашивают меня, что заставило меня принять решение измениться? Это был просто факт, что совершенно незнакомый человек показал мне безусловную любовь и уважение. Эта организация не осуждала меня, независимо от того, что я решил сделать со своей жизнью, и это заставило меня задуматься: если полный незнакомец может так обращаться со мной, возможно, я заслуживаю лучшего. С того дня я начал принимать более качественные решения о здоровье и заботе о себе.

Сегодня я получаю хорошую зарплату, занимаюсь метадоновой программой, у меня есть собственное жилье, свой ноутбук, свой мобильный телефон. Я провожу встречи с людьми которые употребляют наркотики, с полицейскими, с медицинскими работниками и профессорами университетов. Я горжусь своими переменами в жизни и надеюсь продолжать оставаться посланником для людей, использующих наркотики в нашей стране.

ДЭВИД НАТТ

Метод целостной оценки веществ,
Imperial College London, Объединенное
Королевство

Я психиатр и психофармаколог. Мой опыт - использование наркотиков/медикаментов для изучения функций мозга у здоровых добровольцев и людей с психическими расстройствами. Поскольку мозг - это орган, управляемый нейротрансмиттером, а наркотики действуют на изменение функции нейротрансмиттера, я полагаю, что этот подход обеспечивает наилучший

способ опроса функции мозга, особенно если он используется с методами нейровизуализации, такими как ПЭТ (Позитронно-эмиссионная томография) и фМРТ (Функциональная магнитно-резонансная томография).

Около 40 лет я изучал почти все виды наркотиков у людей. К ним относятся некоторые сильнодействующие, опасные и часто злоупотребляемые наркотики, такие как опиоиды (героин, гидроморфон, метадон и бупренорфин), а также бензодиазепины, кетамин и алкоголь. Я могу изучать их, потому что они или лекарства, или легальные наркотики. Однако, когда я захотел изучить психоделики и каннабис, я обнаружил, что мой путь заблокирован из-за статуса Списка 1. Правительство Великобритании рассматривает их как гораздо более опасные или желательные (с точки зрения потребителя), чем те, о которых уже упоминалось, несмотря на неопровержимые доказательства того, что психоделики очень безопасны (почти нет смертей) и редко вызывают злоупотребление. Каннабис также относительно безопасен, он был лекарством в Великобритании до 1971 года.

Влияние этого на мои исследования было огромным. Чтобы хранить и исследовать психоделики или каннабис, мне нужно пройти специальный полицейскую проверку более высокого уровня, чем та, которая мне требуется, чтобы выписать опиоиды. Мне также нужно получить специальную лицензию в Министерстве внутренних дел, которая стоит дорого с точки зрения времени (это может занять до года) и стоимости (около 3000 фунтов стерлингов плюс ежегодный сбор за её сохранение). Однако, для хранения или исследования опиоидов, упомянутых выше, а также для бензодиазепинов или кетамина,

не существует специальных необходимых лицензий. Это ясно показывает, что цель ограничения Списка 1 не состоит в том, чтобы сократить поставки наркотиков за деньги, поскольку героин и метадон имеют значительно большую уличную стоимость. Кроме того, в Великобритании никогда не было примера, чтобы исследователь продавал лекарства из Списка 1; страх утечки наркотиков - это уловка, оправдывающая нынешний контроль над наркотиками.

В нашем первом исследовании псилоцибина * при лечении резистентной депрессии я подсчитал, что из-за дополнительных затрат, связанных со статусом псилоцибина в Списке 1, каждая доза стоит около 1500 фунтов стерлингов - более чем в десять раз выше, чем если бы этого ограничения не было. Эти деньги берутся из исследовательских грантов, что подрывает их финансовую жизнеспособность и уменьшает их масштабы. Кроме того, нам потребовалось более 2 лет, чтобы получить разрешения на проведение исследования, что представляет собой огромные упущенные возможности.

Возможно, если текущие методы классификации наркотиков действительно уменьшат их употребление или наносимый ими вред здоровью, можно было бы смириться с его удушающими эффектами, которые он оказывает на исследования и клиническое лечение. Но нет абсолютно никаких доказательств того, что это так. Пришло время изменить ситуацию, чтобы мы все могли получить от этого пользу.

* Естественный психоделический состав, производимый некоторыми видами грибов.

ЖИЛЬ ФОРТЕ

Возложенная на ВОЗ роль в конвенциях о контроле над наркотиками, Секретарь Комитета экспертов ВОЗ по лекарственной зависимости (ECDD)

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) играет важную роль в установлении глобальных стандартов путем предоставления руководств и рекомендаций в области общественного здравоохранения, которые являются научно обоснованными, прозрачными и независимыми.

ВОЗ обладает специальным мандатом, который дается международными конвенциями о контроле над наркотиками для внесения рекомендаций относительно уровня международного контроля за веществами с психоактивными эффектами. Это осуществляется через Комитет экспертов по лекарственной зависимости, независимый научный консультативный орган ВОЗ. Работа ВОЗ по сокращению поставок вредных психоактивных веществ стала основной частью международной системы контроля над наркотиками и показала, насколько важно защищать здоровье наиболее уязвимых групп населения.

Комитет экспертов является краеугольным камнем для преодоления опиоидного кризиса, он рекомендовал международный контроль над многими новыми психоактивными веществами, появившимися на незаконном рынке наркотиков с 2014 года. В некоторых странах мира, особенно в странах с высоким уровнем дохода, чрезмерное назначение опиоидных лекарств привели к увеличению степени зависимости и к переходу на использование более сильнодействующих синтетических веществ, таких как аналоги фентанила, из-за которых в мире выросла смертность от передозировки.

Одним из таких сильнодействующих синтетических опиоидов является карфентанил, который используется в качестве дополнения к героину и может вызывать летальные последствия в чрезвычайно малых дозах. Комитет рекомендовал поставить карфентанил под самый строгий уровень международного контроля, что ограничит его поставки и потенциально спасет жизни.

Хотя многие психоактивные вещества, наносящие вред общественному здоровью, не имеют законного медицинского применения, многие психоактивные лекарственные средства с проверенным терапевтическим применением, такие как опиоидные анальгетики и бензодиазепины, могут быть вредными, когда они не используются надлежащим образом. Непреднамеренным следствием контроля над веществами с доказанным терапевтическим применением является то, что он ограничит доступ для законного использования людьми, которым нужны эти лекарства для спасения жизни и облегчения боли и страдания. По оценкам ВОЗ, 83% населения мира живет в странах с ограниченным доступом или отсутствием его к контролируемым лекарствам для облегчения боли от умеренной до сильной.

Комитет сыграл важную роль в предоставлении сбалансированных рекомендаций по международному контролю психоактивных лекарственных средств. К ним относятся такие анестетики, как кетамин, чей превосходный профиль безопасности означает, что его можно вводить без обычного уровня контроля анестезии, что позволяет его широко использовать в странах с низким уровнем дохода и в чрезвычайных ситуациях. Они также включают в себя такие лекарства, как

трамадол, одно из немногих опиоидных обезболивающих препаратов, доступных в генерической форме. Он широко используется во многих странах с низким и средним уровнем дохода и в кризисных ситуациях, когда доступ к другим опиоидам для лечения боли ограничен или отсутствует.

В то время как Комитет увеличивает количество вредных синтетических каннабиноидов, стимуляторов амфетаминового ряда и аналогов фентанила, которые находятся под международным контролем, он также гарантирует, что международные меры контроля не ограничивают доступ к основным и жизненно важным лекарствам.

НИЛ ВУДС

«Жесткость к наркотикам» только порождает ещё больше насилия: взгляд полицейского, Партнерство правоохранительных органов

Они пользовались групповым изнасилованием как методом контроля и запугивания.

Полиция в Нортгемптоне добилась определенных успехов в борьбе с местными торговцами героином. Это открыло двери для пресловутой бирмингемской банды Бургер Бар Бойз (Burger Bar Boys). Бургеры знали основную правду о войне с наркотиками, что «самые жестокие банды труднее всего поймать», и позволяли людям знать, что любое сотрудничество с полицией поставит под угрозу не только их самих, но и их жен и сестер.

Вот почему меня отправили под прикрытием. Я потратил месяцы, покупая героин у этих молодых людей. Именно торговля героином является самым жестоким рынком, поскольку она

привлекает самые большие приговоры в суде. Это наркотик класса А, и судьям говорят, что за него надо наказывать больше всех. Чем больше риск, тем больше отдача в бесконечной гонке вооружений в войне за наркотики.

Однажды Д подъехал не в обычной спортивной машине, а в мини-фургоне. С ним было еще четверо. Д спросил: «Как ты думаешь?», Один из них ответил: «Да, он, хуйня, мент ... гавно, да застрели его нафиг!». Мне показали пистолет «Глок» и велели снять рубашку и штаны. Когда они стояли вокруг меня, смеясь, я подумал, действительно ли они меня подозревают, или это был просто их стандартный способ напугать и контролировать своих клиентов.

После семи месяцев работы у меня было достаточно доказательств против банды и всей их сети поддержки. 96 человек были арестованы, многие из них в ходе огромной серии рейдов при поддержке четырех разных полицейских структур. Позже сотрудник разведки сказал мне, что при всех этих усилиях поставки героина и крэка были прерваны, возможно, только на два часа.

Бургеры получили по десять лет тюремного заключения в ходе широкой кампании по «ужесточению наказания за распространение наркотиков». Все, чему это научило следующую банду, так это быть еще более жестокими, дабы избежать поимки.

«Успехи», подобные моим, не одни. Полиция всего мира действительно хорошо ловит наркоторговцев. Но это часть проблемы. Там, где угроза тюрьмы высока, действия полиции делают уличные банды ещё более жестокими в рамках простого дарвиновского процесса.

В Великобритании ситуация быстро ухудшается именно из-за успехов полиции. Дети теперь используются как буферная зона между гангстерами и полицейскими. Дети в возрасте 12 лет эксплуатируются как посредники. Зачастую их снимают в сексуальных ситуациях, чтобы шантажировать их, и тем легче заставить их переносить связки героина в прямой кишке и продавать его другим уязвимым лицам, криминализированными Государством.

Это нескончаемая гонка вооружения в войне с наркотиками, которая всегда подпитывается «более жесткими наказаниями». Это закончится только тогда, когда общество больше не сможет справиться с коррупцией, которую оно влечет за собой. Но насколько хуже должна стать ситуация, а?

ПЕДРО АРЕНАС

Вред принудительного уничтожения урожая, Обсерватория сельскохозяйственных культур и культиваторов объявлена незаконной (Observatorio de Cultivos y Cultivadores Declarados Ilícitos, OCCDI Global), Колумбия

Меня зовут Педро Аренас. Я родился на берегу реки в юго-восточной части Колумбии. В начале 1980-х годов, когда я заканчивал начальную школу, мой отец не нашел для меня дальнейшего обучения. В этой сельской местности не было средних школ. Поэтому, как и многие другие подростки, я пошел работать в поле, собирая листья коки –урожай, выращенный в этом регионе. Мне было всего 13 лет, когда я начал зарабатывать.

Я помню, как взрослые говорили, что выращивание этой культуры было незаконным, и поэтому мы могли быть арестованы властями в любое время. Перед лицом этого страха, фермеры все чаще перемещались в более отдаленные и более экологически важные районы леса. Поэтому я продолжил свою работу в качестве сборщика листьев коки к югу от Гуавьяре, в регионе, в котором сегодня наблюдается самый высокий уровень обезлесения в колумбийском регионе Амазонки.

В 1990-х годах воздушная фумигация против культур коки с гербицидом глифосатом привела к потере легальных сельскохозяйственных культур, разрушила семейную экономику, основанную на этой деятельности, и привела к нарушениям прав человека. Моя мать также потеряла урожай и землю, которую она обрабатывала, и ей пришлось покинуть деревню и все, что у нее было, чтобы переехать в ближайший город и начать свою жизнь заново.

Мы проводили акции протеста от имени крестьянских организаций. Я сообщил некоторым органам власти об ущербе, причиненном фумигацией семьям, безопасности их продуктов питания и окружающей среде. Тем не менее, государство продолжало окуривать эти территории еще 21 год, игнорируя жалобы, и не расследовало нарушения прав человека. Были также угрозы, нападения и убийства лидеров протеста. Я сам подвергался угрозам, преследованиям и двум нападениям, которые почти стоили мне жизни.

С тех пор я занимаюсь защитой прав человека: коренных народов, фермеров и выходцев из Африки, которые выращивают коку для традиционных и культурных целей, а также тех

семей, которые делают это для получения кокаиновой пасты. Я видел кампании, которые стигматизируют это растение и преследуют фермеров, которые на этом зарабатывают.

Я могу сказать, что фермеры несли серьезные наказания насильственными перемещениями и даже тюремными заключениями за то, что они предпринимали действия, которые мы считаем нормальными. Принудительная ликвидация имела только негативные последствия для семей и не дала устойчивых результатов. По этой причине я говорю, что у нас не должно быть политики в отношении наркотиков, которая измеряется только обрабатываемыми районами и районами, которые ежегодно вычищаются, она должна быть направлена на преодоление бедности и продвижения развития.